

Елена Александровна Потехина

*Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie*

# Семантика и прагматика религиозного

## текста

(на материале рукописи «Чин исповеданию»

из собрания бывшего старообрядческого

монастыря в Войнове)

*Содержание религии – «это библиотека конфессиональных текстов».*

*Н.Б. Мечковская, Язык и религия*

**Ключевые слова:** старообрядческая письменность, семантический и прагматический анализ религиозного текста, таинство покаяния, исповедь, грех

**Key words:** Old Believers' writing, semantic and pragmalinguistic analysis of a religious text, the sacrament of penance, confession, sin

## Summary

The paper discusses some aspects of semantic and pragmatic analysis one of the liturgical text used of the Mazurian Old Believers. In the modern world dominated by globalization, the spiritual culture of the Old Believers is among the so called disappearing cultures. The manuscript of the late 19<sup>th</sup>–early 20<sup>th</sup> century, along with doctrinal provision contains a list of ethical and legal norms regulating the relations in Old Believer Fedoseyans community among themselves and with the outside world.

В последние годы в лингвистике заметен рост интереса к проблемам религиозного (сакрального) языка, религиозной коммуникации, религиозного дискурса [Слышкин 2000; Карасик 2004; Гадамский 2005а; 2005б; 2007;

Kucharska-Dreiß, Greule 2011; Бугаева 2011 и др.]. Автор данной статьи стремится показать, что содержание религиозных текстов многоаспектно и многомерно, а поэтому исследование языка конфессиональных текстов должно проводиться комплексно, в частности, с учетом роли и места конкретного текста в конфессиональной культуре и в истории религии. Вероятно, можно, опираясь на высказывание Н.Б. Мечковской, заявить, что каждый конфессиональный текст прецедентен. В качестве примера прецедентного религиозного текста в данной статье рассматривается старообрядческий рукописный документ «Чин исповеданию», датируемый предположительно концом XIX – началом XX века и хранящийся в собрании рукописных и старопечатных книг в Спасо-Троицком монастыре в Войнове (Польша). Автор статьи анализирует семантические и прагматические аспекты содержания данного документа, называемого в дальнейшем Войновской рукописью (сокращенно: ВР) и представляющего собой подробное описание ритуала покаяния в практике старообрядцев Поморского согласия (а именно: федосеевцев), проживающих на Мазурах.

## 1. Краткое археографическое описание рукописи

Текст «Чина исповеданию» записан в тетради нестандартного формата с размером листов 10 x 12 см. Переплет картонный, из коричневой кожи. Объем рукописи составляет 349 страниц, на странице помещается от 8 до 11 строчек текста, написанного небрежно размашистым полууставом одним почерком в две краски, без предварительной разлиновки страниц и без форматирования текста. Листы пронумерованы примерно до середины рукописи на развороте.

Структура ВР типична для подобного рода документов. Текст чинопоследования исповеди состоит из нескольких традиционных частей: ритуал начинается с описания действий, совершаемых исповедующимся перед тем как приступить к исповеди, затем следуют тексты молитв (в том числе Молитва мытаря и Трисвятое) и псалмов (4-го, 6-го, 12-го и 69-го), завершается обещанием кающегося не грешить, чтением очистительной молитвы, фрагментами «Нового Завета» о прощении грешников: из 1-го послания Св. Апостола Павла Тимофею [1: 15–17], «Призвание Матфея» [Мф. 9: 9–13], «Прощение грешницы» [Ин. 7: 53–8: 11]; наконец, дается текст 31-го псалма и тропаря «Объятия отча отверсти мне потщися» и др.

Основную часть текста составляют вопросы, задаваемые исповедником с целью выяснить, какого вида грех был совершен исповедуемым. Повторение одних и тех же вопросов на разных страницах может служить подтверждением предположения о том, что текст «Чина» писался по памяти. Тексты «Чина

исповеданию» (в современном церковном обиходе часто называемые «чинопоследованием исповеди») чаще встречаются в составе старообрядческих требников («потребников»), содержащих чинопоследования всех церковных таинств, однако ВР содержит только одно чинопоследование.

## 2. Семантика Войновского текста

Общая семантика текста может быть определена в целом как семантика ритуала исповеди, морально-этическое и религиозное значение которого заключается в признании в совершённом грехе, раскаянии и постановлении в дальнейшем не грешить. Роль и место таинства покаяния в старообрядческой общине определяются на основании доктрины федосеевцев, к последователям которых принадлежат мазурские старообрядцы. Старообрядцы-федосеевцы признают только два христианских таинства: крещение и покаяние, причем покаяние называют «вторым крещением».

Исповедь начинается с «катехизисной» части, где ответы на задаваемые вопросы настолько очевидны, что записаны непосредственно в тексте исповеди вслед за самими вопросами:

- (1) Вѣрѣшили во ѿца и сѣна и сѣаго дѣха. ѿвѣщають: вѣрѣю честнын ѿче,
- (2) Вѣрѣшили в прѣзю вѣу и во всѣ стѣм. ѿвѣщають: вѣрѣю чѣнын ѿче,
- (3) Покланѣшился ѿбразѣ хрѣтовѣ и пречѣмъ вѣмъ и вѣмъ стѣм на нѣона написанымъ. Вѣрѣю чѣнын ѿче и покланѣюся,
- (4) Недѣржѣшили еренъ которыма или радорѣ самоемышленого. Исповѣдѣшили въ тѣрце единаго бѣа немесна и нерадеина и сѣпринносѣзна. Исповѣдѣю ѿче,
- (5) Исповѣдѣши ли хрѣта в дѣвѣ естествоѣ вѣжествоѣ и чѣлчествоѣ во единомъ же лицѣ и вѣрѣшили. Исповѣдѣю чѣнын ѿче и вѣрѣю,
- (6) Почитаешили чѣнынъ крѣтъ гдѣнь и покланѣшили ея. Почитаю чѣнынъ ѿче и покланѣюся,
- (7) Исповѣдѣшили прѣчѣю вѣу сѣцѣю мѣрѣ и стѣннаго бѣа нашего іѣа хрѣта творца всѣй тѣварѣ. Исповѣдѣю чѣнынъ ѿче,
- (8) Чѣешили сѣаго іѣанна прѣчѣю крѣтла хѣва и стѣмъ апѣлѣ и стѣмъ прѣрокѣ и мѣникъ прѣбѣныхъ и прѣвѣныхъ и вѣрѣшили сѣмъ и вѣрѣшили іѣко оугодѣши бѣа. Покланѣшили ея моцѣмъ и хѣ. Почитаешили пѣмѣтѣи и хѣ чѣнѣ. ѿбразѣ стѣмъ тѣрѣи и хрѣтовѣ, чѣнаго крѣта на нѣонахъ во ѿбразѣнныхъ покланѣшили ея. Покланѣюся чѣнѣ ѿче,
- (9) ѿбразѣ прѣчѣмъ вѣмъ и вѣрѣшили сѣмъ на нѣонахъ написаны. Покланѣюся чѣнѣ ѿче.

Исповедующегося впервые спрашивают о том, когда и где принял христианскую веру, кто был крестным отцом, по своей ли воле или по принуждению,

во здравии или в немощи, держал ли сорокадневный пост по преданию отеческому, не сомневался ли после крещения в вере, исповедовался ли ранее и выполнял ли наложенные епитимии, не хулил ли имени божьего или святых, не клал ли небрежно крестного знамения, не утаил ли каких-либо грехов от стыда, молится ли ежедневно и тп. Уже эта часть ритуала показывает, насколько сложен текст, в котором каждый вопрос имеет свое конкретное значение, определяемое в системе культурологических и исторических категорий. Та часть текста, которая регламентирует индивидуальную исповедь, содержит вопросы, в которых концептуализируется частная семантика текста, например, эксплицируется понятие греха или реализуется семантическая оппозиция «своего» и «чужого» посредством декларации ценностей и принципов христиан-старообрядцев и введения запретов на общение с иноверцами.

## 2.1. Понятие «грех»

Понятие греха является одним из главных понятий христианского мировоззрения. В толковых словарях терминологическое (религиозное) значение лексемы *грех* представлено как первичное, ср. в «Словаре русского языка»: 1. У верующих: нарушение религиозно-нравственных предписаний [Евгеньева 1981/1: 346], ср. также: Даль 1955/1; Hornby 1984; Dubisz 2003; Суднік, Крыўко 1996 и др. На основании данного факта можно предположить, что представление о грехе сформировалось в европейских странах на основе христианской этики. Однако этимологи утверждают, что значение лексемы *грех* развилось путем подстановки нового значения на место первобытного [Трубачев 1980/7: 115; Voguś 2006: 185]. Наряду с конфессиональным, терминологическим значением лексемы, соответствующие русской лексеме *грех* в других литературных языках, так же, как и в русском языке, имеют значение ‘ошибка, провинность, недочет, изъян, недосмотр, отклонение, искривление’, ср. лат. *peccātum* ‘прегрешение, провинность, грех, заблуждение, промах’ [Дворецкий 1976: 734]; греч. *ἁμαρτία* ‘промах, прегрешение, грех, проступок, провинность, преступление, недостаток, изъян, болезнь’ [Дворецкий 1958: 134]. Представление о грехе как о болезни души выражается в синоптических евангелиях метафорически: «Не здоровые имеют нужду во врачех, но больные<sup>1</sup>», – говорит Иисус, подразумевая, что он сам является врачом для души и тела и пришел призвать «не праведников, но грешников к покаянию» [Мф. 9: 12; Мк. 2: 17; Лк. 5: 31]. Представленные в словарях дефиниции восходят к средневековому утверждению о том, что «грех определяется как высказывание, поступок или стремление и желание

<sup>1</sup> Здесь и далее цитаты из Священного Писания даются по Синодальному переводу Библии (изд. Московской Патриархии, 1956–1968 гг.).

вопреки Божественному закону» [Tomasz z Akwinu 1992: 7]. Аквинат в своем трактате «О недостатках и грехах» ссылается как на блаженного Августина (грех – поступок или изречение), так и на Новый Завет: «Кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» [Иак. 4: 17]. Таким образом, грех – это не только совершение конкретных действий, вербальных или физических, но и несовершение таковых в тех случаях, когда они должны быть совершены, т.е. в самом общем смысле – неправильное, не соответствующее принятым нормам поведение в определенной ситуации.

Конкретно-предметное значение корня *грех* и его дериватов, не имеющее отношения к религии, сохраняется в славянских диалектах и в просторечии: русск. *огрех, огрешка, грехва*, бел. *грэх*, польск. *grzecha, ogrzech* ‘пустая полоса или кусок земли, случайно оставшийся незапаханным или незасеянным’; хорв. *hriješka*, болг. *грешка* ‘изъян в полотне вследствие ошибки ткача’. Следует заметить, что в структуре значения этих лексем представлен семантический компонент ‘провинность, изъян, недосмотр’, но отсутствует прагматический компонент ‘жжение совести’, который является причиной ложной этимологизации праславянского \**grěxъ* < \**grĕti* ‘нагревать, жечь’ (деривация + метафора) [Трубачев 1980/7: 115; Vorys 2006: 185] в рамках религиозного дискурса. Именно конкретно-предметное значение отличает упомянутые выше дериваты от субъективно-оценочного значения абстрактного существительного *грех*, поскольку именно развитие качественного, эмоционального значения приводит к «обеспредмечиванию» существительных подобного рода и перехода их в категорию состояния [Виноградов 1972: 333]. Кстати, с точки зрения синтактики, лексема *грех* рассматривается как сентенциальный предикат или пропозициональный аргумент, который синкретически обозначает ситуацию в целом.

Анализ контекстов (общим числом 2027), в которых употребляется лексема *грех*, проведенный на материалах Национального корпуса русского языка, показал, что в публицистических и в художественных текстах данная лексема выступает в функции формального (сказуемое) и/или семантического предиката. Целью лингвистического анализа данной лексемы в функции предиката было выявление объема (в терминологии математической логики: экстенционала) данного понятия (в литературе – концепта), т.е. множества ситуаций отнесения (референции), которые в соответствии с когнитивной установкой говорящего оцениваются как грех. Сопоставляемые контексты представляют практически неограниченный набор ситуаций, соотносимых с высказыванием о грехе, ср.: *обижать – грех; жаловаться – грех; воспользоваться или не воспользоваться – грех; грех против истины, ложь; грех просить у Бога; требовать; ошибочная концепция – грех; национализация имущества – грех* и тд. Следует обратить внимание на то, что при помощи этого предиката производится категорическая оценка поступка, манеры поведения или конкретного события, которые определяются как *грех* или *не грех* с точки зрения соответствия определенным нормам этики, объем

и сфера действия которых не выводима из конкретных речевых ситуаций. Нормы эти могут быть как универсальны, инвариантны, так и специфичны для конкретных социальных групп, а также для определенного периода истории. Иллюстрацией к этому утверждению может служить документ «Чин исповеданию», в котором не только перечисляются действия и поступки члена старообрядческой общины, оцениваемые как *греховные*, но и определяется мера наказания за каждую из провинностей.

## 2.2. Оппозиция «свой» / «чужой»

В ВР оппозиция «своего» и «чужого» реализуется на уровне противопоставления религиозно-догматических и конфессиональных категорий. «Свой» – это старообрядец-федосеевец, остальные же, не принадлежащие к федосеевской общине, относятся к чужим. Поэтому сразу же после чтения катехизисных вопросов и ответов исповеднику положено было спросить о том, «не оправдывает ли кающийся поморцев или новоженев или не почитал ли всех христиан заодно». Содержание этого вопроса восходит к XVIII веку. В 1706 г. произошел раскол между федосеевцами и сторонниками Поморского согласия по вопросу о браке. Федосеевцы, не признававшие таинства бракосочетания, прекратили всякие отношения с поморцами, а в 1752 г. так называемый Польский собор в Гудишках в своем уставе установил строгие правила относительно т.н. «новоженев» [Барановский, Поташенко 2005].

## 2.3. Представление о чистоте и нечистоте

Отношение к «своим» и «чужим» в тексте ВР реализуется в представлениях о чистоте и нечистоте и выражается в форме различных табу и запретов, связанных с общением с «чужими». Под нечистотой при этом понимается не только нечистота в физическом смысле, но и в смысле духовном.

Русская пословица гласит, что нечистота духовная паче нечистоты телесной. В словаре В.И. Даля среди прочих значений *нечистый* значит ‘запрещенный церковным законом, или поверьем, обычаем’ (син.: *поганый, скверный*) [Даль 1955/II: 542–543], ср. *нечистая сила, нечистый* ‘враг, дьявол, сатана’. Нечистыми (погаными) могут быть признаны также народ или люди, с которыми «не должно сообщаться, хлебать из одной чашки и пр.» [Даль 1955/II: 542–543]. Согласно широко распространенному стереотипу, старообрядцы никогда не дадут постороннему напиться из посуды, которой пользуются сами. Традиция эта восходит по крайней мере к XI веку, в т.н. «Красном уставе» (1883 г.) на полях имеется ссылка на известное «Слово» Феодосия Печерского о том, что



ВР, сексуальные отношения были запрещены в пост, а в скоромные дни – в воскресенье, в среду и в пятницу, в праздники господние и богородичные, в дни памяти великих святых. Исповедующийся был обязан признаться в совершении «содомских» практик с женой, в «блуде» с неверною, с мужеским полом (наказание – пять лет сухоядения), «съскотомъ чистымъ или съскотомъ нечистымъ, съ птицею».

Процесс приема пищи наряду с интимными отправлениями представляет собой наиболее регламентированную область человеческого бытия. Само собой разумеется, что христианину следует соблюдать определенные церковной традицией посты: есть скоромное в пост – грех, кроме того, старообрядцам запрещалось пить чай, кофе и вино. Грех – есть не помолясь перед едой, грех – есть в перерывах между установленными приемами пищи и после вечерни, грех – выйти из-за стола во время еды, грех объедаться, грех есть или пить с жадностью, грех выйти на улицу с куском и есть на ходу:

- (17) тако́жде безвре́менно междѹ ѡбѣдѹ неѣ́дѹ ли да́же ндома́лго како́ва ѡво́щїа· лѹкѹ· ре́пы· горохѹ· я́год или бѣ́локѹ ве́черѹ или о́утромъ ра́но,  
 (18) ра́но дообѣ́да нѣ́что мѣ́ждѹ ѡбѣ́дами не ѣ́ли, по́котекѣн немола́сь,  
 (19) но́чью прокѹ́жати не пѣ́шли ꙗ́ко еко́тъ,  
 (20) нехо́диши ли нзѹ́столо́а во́ время ѡбѣ́да надво́ря,  
 (21) не обе́да ли, не помола́сь, и не пи́а ли послѣ ве́черни,  
 (22) не пи́а ли чаю́ или́ вина,  
 (23) зѹ́столо́ми е́да не бы́вали чревоу́бїа,  
 (24) ѡмно́годѣ́нїа неку́ло ли клева́нїа или́ ѡ́ пї́анства,  
 (25) на о́лицѣ́ скѹ́бїо́ми хо́ди не́ѣа ли.

Некоторые из предписаний, связанных с едой, и поныне сохраняются в русской традиции, например, одна из них выражается в поговорке: «Когда я ем – я глух и нем».

### 3. Прагматический аспект исследования ВР

При исследовании текста ВР с точки зрения прагматики следует отдавать себе отчет в том, что данный текст был создан в целях обеспечения ритуала исповеди и содержит модель поведения членов старообрядческой общины федосеевцев. Вопросо-ответная часть текста, фактически содержащая перечень грехов, представляет собой регламент поведения члена сообщества при общении с членами общины и с посторонними, по отношению к религиозным предписаниям и по отношению к бытовым традициям, как в в сфере труда, так и в сфере отдыха. В соответствии со своими конфессиональными принципами федосеевцы старались избегать всяческих контактов с представителями

властей. В условиях неприятия государственных правовых актов именно документы, принадлежащие к церковной традиции, выполняли функции юридических документов, регулирующих «объдержнэ» все стороны жизни старообрядческой общины. К таким документам, наряду с «Кормчей», относился и «Чин исповеданию».

### 3.1. Элементы уголовного и административного права в ВР

В тексте ВР к грехам причисляются такие действия, которые в нашем сознании квалифицируются как преступные и регулируются в современном обществе при помощи уголовно-процессуального или административного кодекса, где определяется мера наказания за каждое из них. Речь идет о краже, в том числе о укрывании вора и хранении краденого (не воспользовался ли чем чужим). В ВР предусмотрены наказания за украденную у соседа соль, муку, рубаху, шубу, обувь или пряжу, а также за украденные масло, яйца или холст, за кражу рябины, черемухи, гороху в поле или репы:

(26) прїѣмла чѣтѣ ѿ крадѣма ѿнѣ чѣкоже покѣѣга ѿко чѣтѣ,

(27) ѿкѣмѣнѣчѣ ѿчѣтѣ ѣдѣнѣ сѣдѣ,

(28) вѣзѣчѣ зѣѣмомѣчѣ ѿ окѣмѣномѣчѣ ѿцѣлѣи вѣмѣтѣнѣ ѿстѣвѣнѣчѣ.

«Статьи» об убийстве включают не только намеренное лишение человека жизни – к убийству приравнивается также подкидывание рожденного ребенка в руки неверных (скверных) или оставление его в «пустом прохожем месте». В рукописи подробно рассматриваются обстоятельства детоубийства: свидетель, а точнее, свидетельница, в зависимости от степени родства (двоюродная сестра, мачеха, теща, жена сестра), также понесет наказание.

Член старообрядческой общины обязан соблюдать имущественные права других членов общины. В рукописи предусмотрены наказания за порчу или уничтожение чьего-либо имущества. Исповедник должен был спросить исповедующегося о том, не сжег ли он по злобе чьего-либо дома, гумна или стога, или не вытравил ли своим скотом чужого поля или в лугах травы, не перепахал ли чужой пашни, не скошил ли чужой травы; торгуя, не обмерил ли, не обвесил ли кого-нибудь.

Отношения хозяина и нанимателя также нашли отражение в рукописи «Чина покаянию». Грешно не заплатить наемному рабочему (особенно сироте), грешно вычитать из его зарплаты вопреки договору, грешно недоплатить «извощику за неуспех грязей» (?), нельзя отдать «худое за доброе», следует повиноваться властям и обязательно платить налоги.

### 3.2. Отношения между членами общества

Собственно этические нормы в ВР представляют отношения между членами старообрядческой общины, а также регламентируют гуманитарные отношения к людям вне общины, выходящие за рамки религиозного мировоззрения. В соответствии с христианскими заповедями, недопустимо осуждать кого-либо, ср.: «Судей не злословь, и начальника в народе твоём не поноси» (Исх. 22: 28). Исповедующего спрашивают, не судил ли отца своего духовного в каких недостатках, не имеет ли гнева в чем на кого-нибудь и пришел ли на покаяние, не простивши, не давал ли совета в ссоре. Приведем несколько вопросов, на которые должен был дать утвердительный или отрицательный ответ исповедующийся:

- (29) не словѣчиши ли оцѣ или матери крѣтким,  
 (30) оца духовнаго или оца роднаго или матери или брата или сестры не бѣли,  
 (31) не звали ли кого жидомъ и кѣгомъ или собакой,  
 (32) не плюнѣли ли комѣ врожѣ и вбородѣ,  
 (33) не крѣтѣ комѣ неказали ли,  
 (34) не дразили ли кого языкомъ,  
 (35) не бранили ли снохоу или сестеромъ. соловошкой кѣрка блѣды сѣка  
 вѣдма подма или такожа и не прогнѣли,  
 (39) не кажиши надоели живова къ чѣбѣ зарыли или кого томѣ побѣчили  
 или кѣрѣтѣ кого немыслили.

Епитимия налагалась за брань с членами общины, за оскорбление словом и делом. Запрещалось подглядывать за соседями или подслушивать их, а потом обсуждать то, что увидел или услышал («не ходишь ли на другой двор переносишь вести» – тридцать дней по двести поклонов). Грехом, кроме злословия, считалось также многословие, празднословие, «смехословие». Грешно было быть упрямым, ленивым, лакомым, суровым, гордым, завистливым, скупым, грешно было радоваться чужому стыду и чужому несчастью.

Живущим семьей не рекомендовалось приступать к какому-либо делу, не посоветовавшись со своими семейными: «ѡ того кыкѣт не любовь неолшам замѣтка вдомахъ и радѣлы». Самое строгое наказание – анафема – полагалось тому, кто распределяя «свое имение» между детьми, обделил одного из детей.

Из текста ВР следует, что в староверческой общине существовало особое отношение к детям (нельзя было ругать малых детей, досадовать на них или смеяться над молодыми), к больным: слепым, глухим, хромым, немым (смеяться над ними грех); к животным: «не бранили ли котѣ кофго». Строгое наказание полагалось за побитие чужой курицы, петуха, кошки или собаки.

## Заключение

При проведении семантического и прагмалингвистического описания религиозных текстов следует не только учитывать особенности их содержания и формы, но и общественную значимость и особенности функционирования в конкретной культуре. В случае описываемого в данной статье текста следует принимать во внимание его роль в культуре Мазурских старообрядцев, в старообрядческой культуре вообще и в православной и христианской культуре в целом [ср.: Алмазов 1894]. Изучение письменной словесности как основы традиционной культуры должно проводиться, как минимум, в трех направлениях:

- 1) с точки зрения археографического исследования источников;
- 2) с точки зрения историко-культурологической составляющей текстов, имеющих в распоряжении исследователя;
- 3) в-третьих, с точки зрения языка, на котором эти тексты написаны.

Проведение анализа на вербально-семантическом уровне ставит перед исследователями задачу исследования особенностей языка памятников. Определенную проблему для исследователей старообрядческих памятников представляет отсутствие конкретной методики и опыта анализа подобных произведений. Описание старообрядческих памятников на когнитивном уровне, предполагающем воспроизведение концептов и суждений, составляющих «картину мира» и отражающих иерархию ценностей современного последователя древлеправославной веры, невозможно без обращения к истокам православного христианства. Истоки православного мышления следует искать как в философской, догматической и литературной традиции Византии, так и в древнерусской культуре. Анализ прецедентных конфессиональных текстов предполагает кропотливую работу с членами старообрядческой общины, поскольку таким образом можно составить «культурный тезаурус» языковой личности, приобретшей опыт обращения с прецедентным текстом не только по причине знакомства с его исконной текстовой средой, но и в результате собственной коммуникативной практики.

## Литература

- Boryś W., 2006, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa: PWN.  
Dubisz S. (ред.), 2003, *Uniwersalny słownik języka polskiego*, Warszawa: PWN.  
Hornby A.S., 1984, *Oxford Student's Dictionary of Current English*, Москва: Просвещение.  
św. Tomasz z Akwinu, 1992, O wadach i grzechach (I–II, q. 71–89), [в:] *Summa teologiczna*, т. 12, London, [http://www.katedra.uksw.edu.pl/suma/suma\\_indeks.htm](http://www.katedra.uksw.edu.pl/suma/suma_indeks.htm); 11.12.2009.

- Kucharska-Dreiß E., Greule A. (ред.), 2011, *Theolinguistik: Bestandaufnahme – Tendenzen – Impulse*, Inzingen.
- Алмазов А.И., 1894, *Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории*, Одесса:  
Т. 1: <http://mzh.mrezha.ru/lib/almazov/alm1894a.djvu>; 3.10.2011,  
Т. 2: <http://mzh.mrezha.ru/lib/almazov/alm1894b.djvu>; 3.10.2011,  
Т. 3: <http://mzh.mrezha.ru/lib/almazov/alm1894c.djvu>; 3.10.2011.
- Барановский В.С., Потащенко Г.В. и др., 2005, *Староверие Балтии и Польши: краткий исторический и биографический словарь*, Vilnius: Aidai, <http://kopajglubze.ucoz.ru/publ/3>; 20.11.2011.
- Бугаева И.В., 2011, *Религиозная коммуникация*, [http://www.portal-slovo.ru/philology/39040.php?ELEMENT\\_ID=39040](http://www.portal-slovo.ru/philology/39040.php?ELEMENT_ID=39040); 27.09.2011.
- Виноградов В.В., 1972, *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, Москва.
- Гадомский А.К., 2005а, Теолингвистика: история вопроса, *Ученые записки Таврического государственного университета им. В.И. Вернадского*, Серия Филология, № 18 (57), 1, с. 16–26.
- Гадомский А.К., 2005б, Русско-польская терминология теолингвистики, [http://www.nbu.gov.ua/portal/soc\\_gum/UZTNU\\_filol/uch\\_19\\_1fn/gadomskiy\\_27.pdf](http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/UZTNU_filol/uch_19_1fn/gadomskiy_27.pdf); 7.11.2011.
- Гадомский А.К., 2007, Религиозный язык – теолингвистика – языкознание, *Ученые записки Таврического государственного университета им. В.И. Вернадского*, Серия Филология, № 20 (59), 1, с. 287–292.
- Даль В.И., 1955, *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х тт. Москва.
- Дворецкий И.Х., 1958, *Древнегреческо-русский словарь*, Москва.
- Дворецкий И.Х., 1976, *Латинско-русский словарь*, Москва.
- Евгеньева А.П. (ред.), 1984, *Словарь русского языка*. В 4-х тт., Москва.
- Карасик В.И., 2004, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва: Гнозис.
- Кремлева И.А., 2009, *Старообрядчество*, <http://www.booksite.ru/fulltext/rus/sian/index.htm>; 7.10.2010.
- Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа 1650 г.*, <http://www.kopajglubze.boom.ru/kormczaja.htm>; 11.12.2010.
- Национальный корпус русского языка*, <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>; 11.12.2010.
- Панова Л.Г., 2000, Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») [в:] Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Ряцева (ред.), *Логический анализ языка: Языки этики*, Москва: Языки русской культуры, с. 167–177.
- Трубачев О.Н. (ред.), 1980, *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, вып. 7, Москва: Наука.
- Слышкин Г.Г., 2000, *От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*, Москва: Academia.
- Суднік М.Р., Крыўко М.Н (ред.), 1996, *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*, Мінск: Беларуская энцыклапедыя.